

А.А. КАЗАНЦЕВ, С.М. МЕДВЕДЕВА

Эволюция локальных человеческих цивилизаций и проблема распространения норм в системе международных отношений¹

Казанцев Андрей Анатольевич, д.полит.н., директор
Аналитического центра ИМИ МГИМО (У) МИД России,
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: andrka@mail.ru
Медведева Светлана Михайловна, к.полит.н., доцент кафедры философии
МГИМО (У) МИД России,
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: svetamedvedeva@mail.ru

---

В работе прогнозируются общие характеристики развития локальных человеческих цивилизаций в регионах мира, сопредельных России (Европа, исламский мир, АТР). Данная проблема анализируется в контексте вопроса о распространении норм в рамках системы международных отношений — процесса, играющего ключевую роль с точки зрения обеспечения устойчивости данной системы. В работе делается вывод, что скорость распространения норм в системе международных отношений в XXI в. будет умеряться целым рядом факторов. Во-первых, анализ динамики развития Европы и США показывает очевидное снижение унифицирующего потенциала, возникающего за счет влияния западного мира на другие локальные человеческие цивилизации. Во-вторых, изучение развития исламской локальной человеческой цивилизации показывает наличествующий в ее рамках серьезный потенциал неприятия унификации норм в рамках системы международных отношений. В-третьих, анализ группы локальных человеческих цивилизаций, существующих в регионе АТР, показывает, что экономический подъем данного региона приводит к формированию представлений о наличии культурно-цивилизационных норм, альтернативных европоцентристскому миру.

Ключевые слова: Локальная человеческая цивилизация, устойчивость системы международных отношений, распространение и унификация норм, Западный мир, исламский мир, АТР.

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» № 14-18-02973.

Распространение норм в рамках системы международных отношений — процесс, играющий ключевую роль с точки зрения обеспечения устойчивости (robustness) данной системы.

Устойчивость в свою очередь является важнейшей практической проблемой с точки зрения обеспечения безопасности государств современного мира, прежде всего России [8]. Эта исследовательская проблема стала одной из клю-

чевых в рамках исследовательского проекта «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений», реализуемого в Центре военно-политических исследований МГИМО МИД России под руководством профессора А.И. Подберезкина.

Цивилизационное своеобразие, — в частности, наличие локальных человеческих цивилизаций, — является одной из важнейших компонент, которая

обеспечивает определенное «торможение» процессу унификации норм в рамках системы международных отношений. При этом проблема унификации и проблема устойчивости имеют между собой сложную диалектическую связь. Слишком большая унификация может снизить устойчивость системы к шоку, который может поразить одновременно все ее элементы. Слишком малая степень унификации снижает степень экономической взаимозависимости, повышает сложности во взаимопонимании и резко увеличивает вероятность конфликтов в рамках системы. Анализ цивилизационной проблематики отвечает целому ряду актуальных тенденций развития политической науки [6], изучения современных международных отношений [5] и комплексного изучения проблемы распространения норм и инноваций [4].

В рамках данной статьи будет рассмотрен прогноз развития трех ключевых цивилизационных зон, расположенных по периферии российских границ: страны Запада, страны исламского мира и страны региона АТР. Данный обзор позволит нам сделать предварительный прогноз степени унификации системы международных отношений на периферии российских границ и позволит оценить перспективы распространения норм в системе международных отношений на длительную перспективу.

ЗАПАДНЫЙ МИР В ХХІ ВЕКЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

В целом за тем, что называется Западным миром, сейчас стоит одна достаточно определенная модель развития. Она предполагает идеологию и систему ценностей, сочетающую принципы: а) *приоритета прав атомарного индивида над групповыми общностями («права человека»); б) конкурентной политической системы со свободными выборами как единственной легитимной формы политического правления («демократия»); в) распределения ресурсов на свободном рынке как единственной эффективной*

формы хозяйствования («рыночная экономика»); и г) приоритета указанных выше принципов по отношению к национальным законодательствам государств («ограничение национального суверенитета»). Предполагалось даже, что «национальное государство исчезнет под воздействием глобальных коммуникаций» [14]. На практике Западный мир также связан с военно-политическим лидерством США.

Существенно то, что эти принципы и многие попытки их реализовать в мировом масштабе не лишены потенциальных внутренних противоречий. Например, демократия, понятая как неограниченное господство большинства над меньшинством, может противоречить идее прав человека. В не меньшей степени предполагаемое демократией и правами человека равенство противоречит неравенству, на котором основана рыночная экономика. Возможность же международного вмешательства в реальности часто может реализовываться через практику «двойных стандартов» в соответствии с настраиваниями, доминирующими в элитных и массовых кругах в США.

В дополнении к описанным выше противоречиям специфические социально-политические реалии многих азиатских и африканских стран трудно адаптируются под эти принципы. Например, индивидуализм противоречит высокой роли кланово-групповой лояльности. Рыночная экономика плохо уживается с политическими системами, основанными на личном патронаже и т.п.

Существует и еще одно противоречие западного варианта создания структуры глобального порядка. Параллельно с глобализацией во всем мире повышается ценность локальных культур, все более распространенной становится практика поощрения разнообразия культурно-цивилизационных форм, борьба с попытками любого навязывания внешних норм. В частности, это проявляется в распространенном на Западе постмодернизме.

В незападных странах глобализация вызывает к жизни противостоящие ей

феномены традиционализации [12]. «Чем больше растет экономическая взаимозависимость, тем сильнее будем мы подчеркивать свои различия, в особенности языковые. Глобализация экономики будет сопровождаться ренессансом в языковом и культурном самоутверждении» [10]. Протесты против западнцентричной глобализации в разных формах проявляются в различных культурных средах. На Западе речь идет о разгроме «Макдоналдсов» антиглобалистами; в исламском мире традиционализация принимает форму джихада против глобальной экспансии западных ценностей [5].

Западный мир — это, прежде всего, коалиция очень эффективно действующих государств Европы и ее переселенческих колоний (США, Канада, Австралия). Эта группа стран имеет единый цивилизационный фундамент (западное христианство), общую историю и культуру, связанную с Европой, сходный набор общих неформальных институтов (ценности демократии, рынка, прав человека, индивидуализма и т.д.). Эти страны тесно интегрированы целым рядом чрезвычайно эффективных региональных организаций: НАТО, ЕС, АНЗЮС и т. д. Деятельность многих ключевых международных организаций (МВФ, G7 или G8) тесно связана с интересами этой коалиции. Вступление в эту коалицию приносит много разнообразных преимуществ. Поэтому к ней тесно примыкают (или являются членами всех этих организаций) многие другие развитые (Япония) и развивающиеся страны, имевшие исходно другой культурно-цивилизационный базис.

Тем не менее многие достаточно сильные государства (особенно, Россия, Китай, Иран) не входят в эту коалицию, лишь эпизодически с ней сотрудничая или конкурируя. При этом они официально поддерживают идею «многополярного мира», что тоже является одной из форм борьбы с политической глобализацией.

Ключевым фактором, который будет определять эволюцию западного мира

в долгосрочной перспективе, является его демографический и экономический упадок. Первый будет проявляться относительно, прежде всего, быстро растущего населения стран Африки и ряда стран Азии. Второй будет связан с относительным уменьшением доли экономики ЕС и США в мире, прежде всего, относительно Китая, Индии и ряда стран азиатско-тихоокеанского региона.

Впрочем, все это отнюдь не означает абсолютного упадка западного мира. Пока нет объективных данных, которые бы позволили его прогнозировать. Уровень жизни на Западе будет оставаться высоким, но США и ключевые государства ЕС, уступая многим азиатским и африканским странам по населению, а также уступая новым экономическим гигантам (прежде всего, Китаю) по размеру ВВП, не смогут объективно решать все основные мировые вопросы.

Дополнительно к этому Запад все больше будет сталкиваться с вызовом, связанным с инкорпорацией мигрантов в принимающее общество. По мере роста демографического разрыва между Западом, с одной стороны, азиатскими и африканскими странами — с другой, миграция будет только усиливаться. При этом кризис модели «мультикультурализма» на Западе делает все более сложным интеграцию этих мигрантов. Эта культурно-цивилизационная проблема уже имеет важное военно-политическое измерение: например, в виде готовности большого количества мусульман-мигрантов отправляться на войну с Западом в Сирию, Ирак или Афганистан, а также в виде проблемы роста террористической деятельности в самих западных странах. В дальнейшем эта культурно-цивилизационная проблема будет только усиливаться. Путей ее решения пока не найдено, и трудно прогнозировать, что они будут обнаружены.

В целом проведенный выше предварительный анализ развития западной локальной человеческой цивилизации показывает очевидное снижение ее унифи-

цирующего потенциала, возникающего за счет влияния на другие цивилизации. Следовательно, уже это указывает на один из факторов, обеспечивающих достаточно умеренный тип унификации норм в процессе глобализации в XXI в.

ИСЛАМСКИЙ МИР В XXI ВЕКЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Ислам — чрезвычайно многоликая религия, включающая в себя огромное количество разнообразных измерений и обогатившая человечество многими великими духовными свершениями. Исходя из признания факта существования специфической исламской цивилизации, при всей ее многоликости можно вычленил некие общие социально-политические и психологически-политические последствия, которые обусловлены принадлежностью того или иного общества к миру ислама и которые одновременно вызывают у немусульманских государств-партнеров исламских стран специфические однотипные проблемы в рамках выработки внешней политики [14].

Известный востоковед-компаративист Л.С. Васильев отмечал, что «мусульманские государства были, как правило, весьма могущественными. Несложная их внутренняя административная структура обычно отличалась простотой и стройностью. Эффективность центральной власти, опиравшейся на принцип власти-собственности, господство государственного аппарата власти и взимание в казну ренты-налога с последующей ее редистрибуцией, подкреплялась, как не раз уже упоминалось, сакральностью власти и покорностью подданных» [2]. В результате для всех современных исламских государств характерны элементы этатизма, патернализма, непомерно раздутого государственного сектора, нераздельности политико-административной власти и контроля над собственностью, низкой степени экономической свободы. Эти «антирыночные» тенденции еще более усилены специфическим для

исламского мира эгалитаризмом, представлением об исходном равенстве возможностей всех людей и антиэлитизмом. В результате массовые движения в исламских государствах, как правило, антилиберальны.

В не меньшей степени для исламских обществ характерны «чувство совершенства образа жизни в сочетании с всеобщностью и всесторонностью ислама, опутывавшего общество наподобие густой паутины, что всегда было залогом крайнего консерватизма и конформизма мусульман, чуть ли не ежечасно (вспомним об обязательной ежедневной пятикратной молитве!) призванных подтверждать свое религиозное рвение» [2]. Это часто приводит к очень высокой степени консерватизма, к неприятию инноваций, подозрению ко всякой самостоятельной творческой деятельности. Эта традиционная структура задает очень сложную ситуацию в плане современных инноваций [11]. Большую роль в росте консервативных настроений сыграло закрытие «врат иджтихада» (то есть запрет самостоятельной рациональной интерпретации принципов и норм ислама) в X в. Запрет сохраняется и до настоящего времени.

Консерватизм исламского мира в сочетании с могуществом патерналистского государства и эгалитаризмом приводят к очень серьезным сложностям с развитием не только постиндустриальной, но даже индустриальной экономики. Достаточно сложно опровергнуть тот факт, что экономики всех мусульманских обществ носят преимущественно аграрный или сырьевой характер. Из более современных сфер экономики в исламском мире хорошо развиваются только торговля и сфера услуг. Единственным исключением из этого правила являются Малайзия и, до определенной степени, Турция. Однако Малайзия цивилизационно относится к азиатско-тихоокеанскому региону, а ключевую роль в ее экономическом развитии играет китайское меньшинство. Турция же со времен Ататюрка

проводила последовательную деисламизацию всех сфер жизни.

То обстоятельство, что исламскому миру очень трудно принять либеральную демократию, трудно опровергнуть. Более или менее стабильные демократические режимы были характерны только для двух стран: Турции и Ливана. Тем не менее Турции были присущи периодические военные перевороты, а ее армия в соответствии с заветами Ататюрка считала себя гарантом светского пути развития государства. Демократия в Ливане основывалась на преобладающей роли христиан-маронитов и постепенно дестабилизировалась по мере роста влияния мусульманского населения страны.

Важной характеристикой традиционного ислама является его воинственность и склонность к конфликтам с внешним миром. Разумеется, на практике этот мобилизационный потенциал мусульманской религии реализуется не столь уж и часто.

Нельзя в соответствии с широко распространенными на Западе заблуждениями в духе «столкновения цивилизаций» считать большинство мусульман мира экстремистами и джихадистами. Традиционные для мира ислама представления о глобальном единстве общины верующих — уммы — достаточно редко принимают характер борьбы за «всемирный халифат». Куда более широкое распространение среди теологов и исламистской интеллигенции получил исламский национализм. Его сторонники выступают за приоритет идей ислама, но в рамках национальных государств. Еще большее количество сторонников в мире ислама имеет его модернистская трактовка, которая позволяет тем или иным образом согласовывать нормы ислама с требованиями современности. И даже среди сторонников «всемирного халифата» достаточно много приверженцев мирных, просветительских путей борьбы. В этом случае речь идет, скорее, об интеграционном движении внутри исламского общества.

Однако практически среди всех направлений современного ислама идет поиск альтернативных Западу форм внутривнутриполитической жизни и внешнеполитической ориентации. Это характерно даже для большей части исламских модернистов, которым часто свойственна идеология «третьего пути», популизм, социальный консерватизм, этатизм, неприятие либеральной демократии и свободного рынка.

«Исламское движение — умеренно-либеральное или радикальное — ориентировано на поиск “исламского решения” современных, в том числе политических проблем. Однако представление о том, что такое “исламское решение”, у представителей различных политических и социальных сил, идеологов и лидеров разное, каждый по-своему толкует исламские истины. Но общим остается стремление использовать в политике концепцию планетарного единства мусульманской общины, основанную на тезисе, что ислам есть интегрированная социально-политическая, социально-экономическая и социально-культурная система, выступающая против экспансии индустриально развитого евро-американского мира. Сегодня это имеет форму движения исламской солидарности» [9, с. 114].

«Альтернативность» ислама в существенной степени реализуется в международно-политической жизни. «Во всем этом просматривается относительная альтернативность всей системы международных организаций исламского мира и норм, которыми они руководствуются, — по отношению к так называемой западной, т.е. предполагаемой неорганичной для исламских государств системе международного права и международных отношений» [3]. Более того, исламские организации имеют четкую тенденцию дублировать «западные» глобальные международные организации. ОИК — аналог ООН; Исламская комиссия Международного Красного полумесяца — аналог Международного Красного Креста; Ислам-

ский банк развития — аналог Международного банка развития; Исламская организация по образованию, науке и культуре — аналог ЮНЕСКО; Исламская федерация спортивной солидарности — аналог Всемирного олимпийского комитета. Ключевые международные документы также имеют альтернативные исламские аналоги: Всеобщая Декларация прав человека — Исламская декларация прав человека; комплекс международных документов по борьбе с терроризмом — исламский договор о борьбе против международного терроризма ОИК и т. д. [3, с. 8–9].

В целом, исламский мир, несмотря на разделяющие его противоречия, так же, как и Запад, представляет собой целую *коалицию государств на цивилизационной основе*. Ее интегрирует общий цивилизационный фундамент, наличие большого количества международных государственных и неправительственных организаций, распространенное среди масс мусульман ощущение общности и исламской солидарности. Материальным показателем жизнеспособности такой международной коалиции выступает большая финансово-экономическая помощь, которую богатые (прежде всего, нефтедобывающие) исламские страны оказывают более бедным. Специфический характер этой помощи заключается в том, что она тесно идеологически увязывается с различного рода «исламскими» целями: исламским просвещением, исламской солидарностью и т. д. Наконец, *показателем реального существования «исламской коалиции» в мире является то, что она поддерживает «свой» вариант формирования структуры глобального порядка, основанный на исламе (при всей реальной вариативности понимания последнего)*.

В XXI в. все указанные выше характеристики мира ислама сохраняются. Он по-прежнему будет искать «исламскую альтернативу» «западноцентрической» глобализации. Продолжающийся демографический рост приведет даже к усилению относительной роли мира ислама в глобальном масштабе. Впро-

чем, увеличение населения без серьезного экономического роста — это еще и вызов развития и даже стабильности. Одновременно с демографическим ростом будет действовать тенденция к экономической деградации, так как ни одно из государств исламского мира (за частичным исключением расположенных в АТР Малайзии, в меньшей степени — Индонезии и частично расположенной в Европе Турции) не сумело «вписаться» в постиндустриальный мир и даже создать индустриальную экономику. Возможное уменьшение роли углеводородной экономики в XXI в. может привести к резкому падению значения таких ключевых исламских стран, как Саудовская Аравия и Иран.

Вторая важная тенденция для мира ислама в XXI в. — продолжение роста религиозного экстремизма. Этот рост будет происходить по мере углубления экономического отставания исламских государств и увеличения в них перенаселенности. Религиозный экстремизм будет задавать динамику разного рода серьезных конфликтов, куда будут вовлечены не только исламские страны, но и государства других цивилизационных районов Земли [7].

Третья тенденция — сохранение высокой угрозы образования в мире ислама «несостоявшихся государств». К этому ведут негативные социально-экономические факторы, перенаселенность, а также рост исламского экстремизма.

Четвертая тенденция — внутренняя раздробленность мира ислама и тяжелые внутренние конфликты между различными направлениями внутри исламской религии, проявляющиеся как в противостоянии государств (например, в настоящее время — Ирана и Саудовской Аравии), так и в экстремистско-террористической деятельности.

В целом, проведенный выше предварительный анализ развития исламской локальной человеческой цивилизации показывает наличествующий в ее рамках серьезный потенциал неприятия унификации норм в рамках системы международных отношений. Более того, острота

внутренних конфликтов внутри мира ислама четко демонстрирует, что распространение норм даже внутри группы стран соответствующей цивилизационной традиции сталкивается с серьезными проблемами.

РЕГИОН АТР И ЭВОЛЮЦИЯ «АЗИАТИЗМА» В XXI ВЕКЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЛОЖ- НОСОСТАВНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ АТР

Азиатизм (или паназиатизм) — достаточно сложный комплекс идеологий, распространенных в современном Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), вплоть до Китая и Индии [9]. Единство этих народов возникло благодаря становлению гигантской торговой и культурно-цивилизационной зоны, связывавшей все страны региона (испытывавшие влияние китайской конфуцианской культуры, индийских буддизма и индуизма, наконец, ислама, пришедшего через Индию) еще до прихода европейцев [1]. В рамках этой зоны происходил также и культурный синтез. Причем движение навстречу друг другу шло с обоих концов Азии. Еще в минскую эпоху (1368–1644 гг.), до европейских Великих географических открытий, китайские военно-торговые флоты огибали всю Азию, доходя до Африки. С другого конца Азии тот же морской путь проложили исламские торговцы из Индии и Юго-Восточной Азии, где уже осуществлялся синтез исламской и индуистско-буддистской культур.

Европейские колонизаторы, ставшие доминировать над этими морскими путями с XV–XVI вв., только присвоили себе уже существовавшую систему торговых и, в меньшей степени, культурных связей. При этом Китай сохранял роль наиболее экономически развитой части мира почти до опиумных войн (XIX в.), после которых эта роль окончательно перешла к Англии. Однако уже к концу XIX в. все страны этого гигантского региона, кроме Японии (частично также Китая и Таиланда), представляли собой

колонии, полуколонии или зависимые страны.

Начало роста идеологии азиатского единства можно усмотреть в реакции на победу Японии над Россией в войне 1905–1907 гг. До этого среди народов данного обширного международного региона под влиянием европейских стереотипов было распространено мнение о собственной отсталости и даже расовой неполноценности, необходимости полностью отказаться от традиционных ценностей. Тем не менее успешная военно-экономическая модернизация Японии, сумевшей даже победить великую мировую военную державу, показала, что народы Восточной Азии способны эффективно ответить на вызовы современности. Более того, оказалось, что при этом могут быть сохранены многие традиционные институты и ценности (как это имело место в Японии). Напротив, именно они могут оказаться базисом эффективности в соревновании с европейцами.

Попав в контекст борьбы с колониализмом, азиатизм принял вид лозунга «Азия для азиатов». При этом вполне в духе многих научно-идеологических представлений, распространенных и в Европе того же времени, предполагалось, что за расовым «азиатским» единством прослеживается и единство «азиатских» ценностей и культур. Часто просматривалось и определенное сходство интересов как всех антиколониальных движений в АТР, так и японского экспансионизма, заинтересованного в вытеснении европейцев из Восточной Азии (собственно, японский конструкт, призванный подчеркнуть лидерство Японии в регионе). Так возникли элементы коалиционных взаимодействий между различными азиатскими народами, которые сохранились и воспроизвелись и в послевоенный период.

Япония, много сделавшая для рождения азиатизма, в периоды войны с Китаем и Второй мировой войны совершила много преступлений, настроивших против нее другие азиатские народы. Тем не менее именно беспрецедентный

экономический подъем Японии после Второй мировой войны привел к изменению характера азиатизма. Наряду с различного рода антиколониальными и антипостколониальными настроениями в него включились представления о социально-экономической модернизации с опорой на традиционные ценности и структуры в торгово-инвестиционном взаимодействии с Западом.

Вслед за Японией возникли новые азиатские «тигры» (Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южная Корея). К ним начали подтягиваться Малайзия и, в меньшей степени, Индонезия. Наконец, процесс бурного экономического роста охватил после реформ Дэн Сяопина и Китай, который в 1990-е гг. вернул себе статус «мастерской мира». Принято считать, что в настоящее время уже произошел перенос центра «тяжести» мировой экономики с Североатлантического в Азиатско-Тихоокеанский регион, обусловленный одновременным экономическим подъемом АТР (прежде всего, Китая) и Тихоокеанского побережья США. Более того, стали раздаваться даже рассуждения о том, что США и Китай сейчас являются «одной экономикой с двумя разными политическими системами». Действительно, при всей глубине политических разногласий между США и КНР степень их экономической взаимозависимости очень высока (КНР является основным кредитором США, США — основной инвестор и источник технологий для КНР, оба государства являются также друг для друга ключевыми торговыми партнерами). Все эти тенденции в XXI в. будут смягчать военно-политическое противостояние КНР и США.

В области политической культуры народы АТР объединяет ярко выраженный прагматизм и стремление максимально использовать потенциал традиционных ценностей для социально-экономической модернизации. С точки зрения политических систем эти страны представляют достаточно пеструю картину. Авторитарные, полувластительные или посткоммунисти-

ческие режимы, в целом, преобладают. В регионе очень мало демократий. При этом одни из них очень молодые (Южная Корея, Тайвань), другие отличаются специфическими «азиатскими» особенностями (доминирование одной партии в Японии). Таким образом, возникла чрезвычайно привлекательная для многих неевропейских обществ модель развития, сочетающая необычайно успешное развитие рыночной экономики с сохранением существующих социально-политических институтов, часто авторитарного или полувластительного типа. В этом плане модель, сложившаяся в АТР, представляет собой в XXI в. одну из реальных альтернатив западной модели развития, основанной на сочетании вестернизации, демократизации и экономической либерализации.

Международное сотрудничество в регионе также стало все больше строиться на основании принципа «азиатские дела должны вершить азиаты». Таким образом, страны региона взяли на себя ответственность за формирование собственной структуры регионального порядка, ревниво относясь к попыткам западных стран вмешаться в этот процесс. Эта тенденция продолжится и в XXI в., хотя в президентство Обамы она столкнулась с контртенденцией — стремлением США сформировать систему военно-политических союзов по периферии КНР. Однако эта политика сталкивается и с сопротивлением Китая, и с неприятием ее многими представителями азиатских политических элит.

Это видно, например, по работе различных интеграционных структур в АТР. Базисом интеграции в регионе стали «азиатские ценности», противопоставляемые политическому давлению Запада. Зачастую это официально провозглашаемая государственная политика. Так, в Малайзии с начала 1980-х гг. официально объявлена «ориентация на Азию». Сингапур, поддерживающий иммиграцию на свою территорию высококвалифицированных специалистов из других стран, специально поощрял въезд азиатов, а не евро-

пейцев, и т. д. При этом его руководство постоянно подчеркивало роль «азиатских ценностей» в функционировании политической системы государства.

На неформальном уровне азиатские страны также тяготеют преимущественно к взаимодействию между собой. В целом, между ними, несмотря на определенные разногласия (например, территориальные споры или претензии к Японии за зверства периода оккупации), складывается очень эффективная международная коалиция, в ряды которой стараются не пускать носителей «чужих» ценностей. Так, например, АСЕАН отвергла предложение об установлении зоны свободной торговли совместно с соседними Австралией и Новой Зеландией. «Вопрос о слиянии был снят с повестки дня после того, как в октябре 2000 г. три ведущих члена АСЕАН — Малайзия, Индонезия и Филиппины — отказались начать соответствующие переговоры. В первую очередь, из-за недовольства регулярными попытками австралийского правительства навязывать этим странам свое видение мира»[13].

По мере роста экономического влияния стран АТР, прежде всего, Китая, их представления о наиболее оптимальной структуре регионального порядка, основанной на «азиатской» культуре, начинают переноситься и на глобальный уровень. Наиболее активно в этом плане действуют такие государства, как Малайзия и Китай. *Весьма вероятно, что эта тенденция продолжится на протяжении, по крайней мере, первой половины XXI в. В связи с этим анализ группы локальных человеческих цивилизаций, существующих в регионе АТР (а это цивилизации китайско-конфуцианской, индийской, исламской и ряда других традиций), показывает, что подъем данного региона приводит к формированию представлений о наличии культурно-цивилизационных норм, альтернативных европоцентристскому миру. Этот фактор в долгосрочной перспективе будет снижать степень унификации норм внутри системы международных отношений,*

а также определенным образом сдерживать тенденцию к унификации внутри нее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, проведенный выше предварительный анализ развития ряда локальных человеческих цивилизаций, расположенных по периферии границ России, показывает, что скорость распространения норм в системе международных отношений в XXI в. будет умеряться целым рядом факторов.

К их числу можно отнести следующие:

1) Анализ динамики развития Европы и США показывает очевидное снижение унифицирующего потенциала, возникающего за счет влияния западного мира на другие локальные человеческие цивилизации.

2) Анализ развития исламской локальной человеческой цивилизации показывает наличествующий в ее рамках серьезный потенциал неприятия унификации норм в рамках системы международных отношений. Более того, острота внутренних конфликтов внутри мира ислама четко демонстрирует, что распространение норм даже внутри группы стран, относящихся к одной цивилизационной традиции, сталкивается с серьезными проблемами.

3) Анализ группы локальных человеческих цивилизаций, существующих в регионе АТР (а это цивилизации китайско-конфуцианской, индийской, исламской и ряда других традиций) показывает, что подъем данного региона приводит к формированию представлений о наличии культурно-цивилизационных норм, альтернативных европоцентристскому миру.

Описанные факторы в долгосрочной перспективе будут снижать степень унификации норм внутри системы международных отношений. Однако вопрос о том, будет ли это вести к повышенной конфликтности и снижению устойчивости системы международных отношений в соответствии с теорией, впервые выдвинутой С. Хантингтоном [12], или,

наоборот, будет обеспечивать системе необходимое для устойчивости разнообразие, должен стать предметом отдельного анализа, в частности, в рамках упоминавшегося проекта «Долгосроч-

ное прогнозирование развития международных отношений», реализуемого в Центре военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России.

The Evolution of Local Human Civilizations and the Problem of the Proliferation of Standards in International Relations

Andrey Kazantsev, Doctor of Sci. (Political Science), Director
Analytical Center of the Institute of International Studies, MGIMO University,
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: andrka@mail.ru
Svetlana Medvedeva, PhD. (Political Science), Associate Professor,
Department of Philosophy, MGIMO University
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: svetamedvedeva@mail.ru

Summary

The article contains prognosis of development of local human civilizations in the regions of world neighboring to Russia (Europe, Islamic world, Asia-Pacific region). This issue is analyzed from the point of view of proliferation of norms within the system of international relations, which is the process playing a key role from the point of view of guaranteeing robustness of this system. The main conclusion of the paper is that the speed of norm proliferation within the system of international relations in the 21 century will be checked by a set of factors. First, the dynamic of development of Europe and the USA indicates a clear tendency towards decrease of unifying potential that has appeared originally as a result of influence of the Western world towards other local human civilizations. Second, the study of development of Islamic civilization indicates that there is a significant potential of rejection of unification of norms within the system of international relations. Third, analysis of the group of local human civilizations existing in the Asia-Pacific region demonstrates that economic development of this region is accompanied by formation of ideas about cultural norms alternative to Europe-centric world.

Key words: Local human civilization, robustness of the system of international relations, proliferation and unification of norms, Western world, Islamic world, Asia-Pacific region.

Литература / References

1. Бродель Ф. Время мира. В 3 т. Т. 3. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. - М.: Прогресс, 1992. 679 с.
2. Васильев Л.С. История Востока: Учебник для вузов. В 2 т. Т. 2 / 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2001. С. 184.
3. Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика: (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии): Сборник статей / Отв. ред.: В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин. - М., 2001. С. 8.
4. Казанцев А.А. Интеллигенция и структурные инновации в политическом пространстве (опыт сравнительного анализа) // Полис. Политические исследования. - М., 2007. № 1. С. 71-93.

5. *Казанцев А.А.* О когнитивно-неоинституциональном подходе к изучению международных отношений // *Полис. Политические исследования*. – М., 2003. № 1. С. 74–81
6. *Казанцев А.А.* Политическая наука: проблема методологической рефлексии. Обзор круглого стола. // *Полис. Политические исследования*. – М., 2001. № 6. С. 51–63.
7. *Казанцев А.А.* «Ваххабизм»: Опыт когнитивного анализа институтов в ситуации социокультурного кризиса // *Полис. Политические исследования*. – М., 2002. № 5. С. 96–109.
8. *Кузнецов И.И.* Проблематика конфликтов «нового поколения»: оценки и прогнозы / И.И. Кузнецов, В.М. Сергеев // *Аналитические записки НКСМИ МГИМО (У) МИД РФ*. – М., 2008. Вып. 5 (34), май. С. 1–28.
9. *Левин З.И.* Общественная мысль на Востоке: постколониальный период. – М.: Изд-во фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 196 с
10. *Нейсбит Д.* Мегатренды. М.: АСТ: Ермак, 2003. 380 с.
11. *Сергеев В.М.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) / В.М. Сергеев, С.Н. Саруханян // *ИМИ МГИМО (У) МИД России, Центр глобальных проблем*. – М.: МГИМО-Университет, 2012. 64 с.
12. *Хантингтон С.П.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006.
13. *Цыганов Ю.* Австралия и Восточная Азия // *Проблемы Дальнего Востока*. – М., 2006. № 2. С. 71–81.
14. *Negroponte N.* Being digital. New York: Knopf, 1995. P. 243.